

Валентина КОГАН

По следам «Ликвидации»

История, которую я хочу рассказать, случилась давно, более полувека назад, и, вероятно, так и осталась бы если не полностью забытой, то уж, во всяком случае, далеко отнесенной на задворки памяти событиями и проблемами последующих лет. Причиной же ее возрождения в памяти стал недавно показанный по телевидению полудокументальный-полухудожественный фильм "Ликвидация", серия Урсуляка. То, о чем я здесь расскажу, — факт абсолютно достоверный, произошедший примерно в то же время, что и события в фильме.

Немного предыстории. Мой отец Коган Яков Моисеевич, заведовавший медицинской частью Одесской психиатрической больницы и работавший одновременно доцентом на кафедре психиатрии Одесского медицинского института, ушел на фронт в звании майора медицинской службы в первые дни Великой Отечественной войны.

После тяжелого ранения он получил назначение в г. Красноярск на должность начальника эвакогоспиталя № 983, передислоцированного позднее вместе со всеми его сотрудниками в Белоруссию, в поселок Лещинец недалеко от Гомеля. Сотрудники госпиталя были расквартированы по небольшим частным домикам местных жителей, а госпиталь расположился в изрядно поврежденном бомбежками здании местной школы. Война приближалась к победному концу, и мы, 8-10-летние "госпитальные" ребята, вместе со своими сельскими сверстниками, вместе со всей страной с нетерпением ждали это великое событие, связывая с ним представление о начале новой, сказочно необыкновенной жизни, не очень ясно себе ее представляя.

Но наше безмятежно-счастливое предвкушение уже близких грядущих радостей было омрачено вдруг возникшими зловещими слухами о бесчинствах злоеших грабителей и бандитов, объединенных в банду под названием "Черная кошка". Днем в школе мы обменивались последними услышанными от взрослых слухами об очерченных бесчинствах бандитов, устрашали друг друга собственными домыслами, а иногда и явными вымыслами, но,

хорохорясь, ободрялись взаимными заверениями в собственном бесстрашии, которое слетало с нас, как луковая шелуха, с первыми признаками наступления сумерек и сгущавшейся затем темноты. Мы поспешно разбежались по домам, не решаясь высунуть на улицу нос даже тогда, когда того требовала естественная надобность в обстоятельствах далеко не комфортных сельских условий.

Людская молва доносила до нас слухи о том, что "Черная кошка" выходит на промысел с наступлением темноты, и в округлых очертаниях казанов и макитр, висящих на кольях оград и заборов, нам чудились силуэты бандитов, рядом с которыми казалось явственным зеленое свечение глаз живой черной кошки. Мы не сомневались в том, что в банде обязательно должно было присутствовать живое олицетворение ее названия и символа.

Но вот наступил долгожданный день Великой Победы. Мы с мамой вернулись с Одессы. А через некоторое время после расформирования госпиталя, демобилизовавшись, возвратился и отец. Послевоенная Одесса тоже была полна зловещими слухами об орудующих здесь бандах, ограблениях и разных бесчинствах. И снова упоминалась вездесущая "Черная кошка". Говорили, в частности, о дерзком ограблении городского холодильника и похищении значительной части хранившихся там городских запасов продовольствия. Органы охраны правопорядка усиленно разыскивали бандитов.

Тем не менее, жизнь нашей семьи возродилась в своем прежнем виде: мы поселились в нашей бывшей довоенной квартире на территории психбольницы, в административной фасадной ее части на втором этаже, непосредственно над приемным покоем (так милосердно в то время называлось приемное отделение). Я пошла в четвертый класс школы, мама — на свою прежнюю работу в соседнюю клинику больницы, и отец вернулся к своим довоенным служебным обязанностям.

В его натуре и характере удивительным образом сочетались несовместимые, на первый взгляд, интересы и пристрастия. Не стану их перечислять и комментировать. Напишу лишь об одном: он был страстным голубятником и часто по воскресеньям отправлялся на Охотничий рынок, захватив с собой

клетку с голубями, предназначенными для всевозможных комбинаций и обменов с такими же, как он, завзятыми голубятниками. И с детской непосредственностью радовался, если в результате этих манипуляций ему удавалось заполучить какой-нибудь редкостный экземпляр породистой голубки.

Однажды мне захотелось вместе с отцом пойти на Охотничий рынок. День выдался душный и знойный. Кроме клетки с голубями мы взяли с собой нашу собаку, черную с желтыми подпалинами немецкую овчарку редкой красоты, великолепной стати и недюжинной силы по кличке Негус. Наш Негус не получил профессиональной дрессировки, выполнял лишь несложные команды, но от природы был умен и всем своим видом внушал окружающим одновременно и восхищение, и страх.

Акция "голуби" оказалась успешной, и домой мы возвращались в хорошем настроении, но усталые и измученные жарой. Негус спокойно и просительно заглядывал в лицо своему хозяину, и отец понял, что собаку мучит жажда. Мы зашли в ближайший двор, обычный двор, каких тогда много было на Молдаванке. В центре двора стояла обитая досками водяная колонка, приводимая в действие поворотом расположенного сверху рычага.

По всему периметру на уровне второго этажа двор огибала деревянная галерея, на которую выходили многочисленные завешенные легкими шторками двери тесных квартир. Возле каждой двери стоял кухонный столик, на котором шумел примус или горел керогаз.

Опершись на перила галереи, хозяйки оживленно переговаривались друг с другом. Во дворе играли дети. Наше неожиданное появление мгновенно прервало благодушную идиллию, которая возникла (и, наверное, возникает до сих пор), когда не бывает поводов для конфликтов, в старых одесских дворах, устроенных по принципу тесного соседства, особенно в летнее время, когда объединяющая всех галерея становилась местом постоянного и невольного общения всех со всеми.

Наше появление прервало традиционное течение жизни двора. Всеобщее внимание привлек, разумеется, Негус. Мы направились к водяной колонке, отец резким движением руки повернул рычаг на колонке, и из нее вырвался мощный, красиво серебристый на солнце поток воды, к которому жадно припала собака, разбрызгивая и часто прерывая языком прямую и сильную струю воды, останавливаясь лишь для того, чтобы перевести дыхание.

И когда мы уже собирались покинуть двор, отец, слегка наклонившись ко мне, тихо сказал: "Не делай резких движений и незаметно посмотри на человека, который стоит на галерее в глубине двора прямо напротив нас". Я подняла глаза и увидела еще достаточно молодого мужчину (во всяком случае, таким он мне показался), одетого в широкие шаровары и вышитую сорочку. На голове его была надета набекрень черная меховая кубанка (это в такую-то жару!), из-под которой сбоку залихватски торчал кудрявый черный чуб. Человек стоял широко расставив ноги и сплетя "корзиночку" перед грудью руки. В его позе и устремленном прямо на нас жестком взгляде было что-то устрашающе-вызывающее.

В следующее мгновение мы покинули двор. Мне не терпелось узнать, кто же этот загадочный человек, к которому отец привлек мое внимание. Оказалось, что пока мы находились во дворе, окруженные любопытствующими, но вполне доброжелательными взглядами его обитателей, отец почувствовал, что кто-то невидимый напряженно и неотступно следит за нами. И не ошибаясь: осторожно и незаметно обведя внимательным взором двор, он "нащупал" этот следивший за нами глаз. И лишь когда стало очевидно,

что мы намерены покинуть двор, человек, так пристально следивший за нами из своего укрытия, вышел на галерею.

Коротко взглянув на него, отец привлек к нему мое внимание. Оказалось, что человек этот был ему не знаком, но папа вполне уверенно определил в нем скрывающегося от наказания правонарушителя, расценившего наше неожиданное появление с Негусом, вид которого точно соответствовал облику настоящей служебной собаки, как замаскированную акцию по его, правонарушителя, обнаружению и задержанию. Этим и объяснял его поведение, начиная с момента нашего появления и до ухода.

Еще некоторое время после этого эпизода я мысленно возвращалась к нему, несколько не подвергая сомнению правильность отцовской версии. Много позже, когда отца уже не было в живых, его коллега и помощник по комиссии судебно-психиатрической экспертизы доктор Людмила Яковлевна Задорожнюк рассказывала, что иногда к отцу за советом и помощью обращались следователи, когда в процессе следственных действий они сталкивались с логически необъяснимыми поступками как преступников, так и потерпевших. И бывало, что, извлекая из уголовного дела вполне, казалось бы, второстепенные и малозначимые детали, мимо которых прошло следствие, отец предлагал свою версию мотивов преступления, которая оказывалась доказательной.

Уже не помню, случилось это тем же летом или летом следующего года, но усилиями правоохранительных органов был задержан главарь одной из крупных действовавших тогда в Одессе банд. А вот фамилию его я помню до сих пор — Шибав. Сразу оговорюсь: все сведения о нем стали мне известны лишь после того невероятного события, о котором я хочу рассказать.

Учитывая серьезность и масштаб-

ность совершенных бандой Шибавы преступлений, за ходом следствия по его делу осуществлялся надзор центральных правоохранительных органов. Поэтому следствие велось с особой тщательностью.

В процессе следственных действий была назначена судебно-психиатрическая экспертиза, которая должна была выявить и дать заключение о психическом статусе Шибавы и определить, были ли совершенные им преступления результатом душевного заболевания и связанного с ним психического статуса или, совершая преступления, этот человек был вменяем, то есть отдавал себе отчет в своих действиях, за которые должен нести уголовную ответственность.

В случаях, когда комиссия устанавливала факт невменяемости обвиняемого, его освобождали от наказания и направляли на принудительное лечение. Преступники видели в этом лазейку, с помощью которой можно было избежать тюрьмы, и симулировали душевное заболевание, делая это иногда очевидно примитивно и неумело, а порой и довольно искусно. Обследование таких "сложных" симулянтов при решении вопроса об их вменяемости осуществлялось в так называемом судебно-психиатрическом отделении психбольницы.

Не могу здесь не рассказать в связи с этим об одном примечательном случае. Отец читал студентам юридического факультета одесского университета курс судебно-психиатрии. Поскольку слушателями были будущие юристы, а не медики, им излагались общие положения предмета изучения, легко доступные для восприятия. При этом лекции в конце сопровождалось наглядной демонстрацией большого, доставляемого из психбольницы, страдающего соответствующей теме лекции формой душевного расстройства. На эти лекции собирались студенты со всех факультетов университета, до отказа заполняя аудиторию, а особо ин-

